

такъ я и говорю: кумъ (а онъ мнѣ еще и кумомъ доводится)!— поѣдемъ къ празднику вмѣстѣ? Ну, что-жъ, говоритъ, поѣдемъ...

— Вы покороче говорите, — останавливаю я словоохотливаго рассказчика, опасаясь, что мы принуждены будемъ выслушать подробное повѣствованіе о всѣхъ ихъ похожденияхъ на праздникъ. — Сказывайте прямо, съ чего у васъ драка вышла? Тамъ, что ли подрались?..

— Упаси Богъ, зачѣмъ тамъ!.. Мы тамъ, то-ись, во-какъ, душа въ душу были, и вмѣстѣ по гостямъ ходили; а это ужъ какъ мы назадъ ѣхали, неудовольствіе-то промежъ насъ приключилось. Чтой-то, говорю, кумъ, прозябъ я будто маленько? — И то, говоритъ, холодно что-то къ ночи. — Заѣдемъ, говорю, въ Шенталиху, она намъ по дорогѣ будетъ, по стаканчику и выпьемъ. Заѣхали. Спросилъ я у цѣловальника, Ивана Митрича, косушку, да и говорю: у меня, вѣдь, кумъ, денегъ-то нѣту, ужъ видно ты заплатишь. Въ ту пору онъ промолчалъ; только, какъ вышли по стаканчику, онъ и сталъ ко мнѣ приставать, чтобы я ему на свои поднесъ косушку. Я ему божусь, что денегъ нѣту, а онъ видно опять захмѣлѣлъ — ругаться сталъ: „такой, да сякой, на моей лошади ѣдетъ, да еще мою водку пьетъ; иди же, говоритъ, пѣшкомъ, а я не повезу“. И пошелъ садиться на телегу. Я за нимъ: кумъ, — говорю, — да что ты, очумѣлъ, родимый, что-ли? тутъ еще пять верстъ до дому, а ужъ ночь на дворѣ: куда я пойду въ такую темь?.. А кумъ мой распреубовный будто меня и не слышитъ, и ухомъ не ведетъ, знай понукаетъ лошадь; ну я тутъ и схватился за возжу — попридержать его маленько... Какъ онъ мнѣ въ тую пору дастъ леца прямо въ ухо, ажъ звонъ у меня въ головѣ пошелъ!.. Ну, въ этотъ разъ и я ужъ не стерпѣлъ, прыгъ къ нему въ телегу и пошло у насъ тутъ неудовольствіе... Да мнѣ гдѣ-жъ было съ нимъ справиться, кабы онъ пьянъ не былъ — сами извольте, господа судьи, посмотреть на него и на меня...

— А глазъ ты ему точно подбилъ? — допрашиваетъ Колесовъ.

— Вратъ не хочу, случился такой грѣхъ: маленько не ладно потрафилъ. Да теперь у него, слава Богу, зажило.

— Вотъ что, почтенный, — прерываетъ свое молчаніе Черныхъ, обращаясь къ жалобщику: — брось это дѣло, ничего не получишь; самъ виноватъ: первый зачалъ, потомъ оба подрались — о чемъ же жаловаться?..

— Это то-есть какъ же?... Ни съ чѣмъ?

— Ахъ, кумъ, кумъ!.. — подхватываетъ обидчикъ, ободренный заступничествомъ судьи. — Я-жъ тебѣ еще полуштофъ на мировую